

Светлани

Нуржан

В ПОИСКАХ ОРУЖИЯ

В ПОИСКАХ ОРУЖИЯ

*Как мне не плакать, как не петь,
Когда тревожно мне и худо? –
Я потерял тугую плеть
Из шеи крупного верблюда,
Могучего и гордого
Верблюда одногорбого.*

Ах, эта плетка удальца сработана на диво
Из липы, рога и свинца – ах, как она красива!
Всю рукоять обвили медь
И серебро с черненьем –
Такой кере тартар¹ иметь
Считалось искони и впредь
Небесным награждением:
Бывало, сам рычащий лев
В степном просторе звонком
От этой плетки, ошалев,
Мяукал вдруг котенком!
Кто мне поведает о том,
Где плеть моя тугая,
Тому отдам в награду дом,
Врага кнутом стегая!

...Потом я саблю потерял
Из благородной стали –
Эфес червонный повторял
Сиянье синей дали,
Я дромедара разрубал,
Слона без проволоочки.

¹ Кере тартар (каз.) – вид плетки.

Как луч зари, блистал металл
Особенной заточки!
Когда я саблю брал в поход
И вынимал из ножен –
Враг прочь бежал.
Другой исход
Был просто невозможен.
С Едия супостат бежал,
И слеп от блеска, и дрожал!
И Алаколь, и Маркоколь
Я поперек прошел и вдоль.
Все перед ней равновелики,
Она смертельный сеет страх.
В пустыне прятались калмыки,
Таились русские в лесах.
Готов я мир перевернуть,
Искать и не сдаваться,
Чтоб чудо-саблю ту вернуть,
Чтоб с ней не расставаться!

...Был у меня длиннющий лук
Со стрелами в колчане,
Был тетивы тягучий звук,
Как у быка мычанье:
Когда, как воин на посту,
Стрелял стрелок умелый,
Одна в другую на лету,
Звеня, вонзались стрелы –
Натягивая тетиву
Ухватисто и споро,
Он слал их стаи в синеву
Лучистого простора,
И солнце гор входило в раж,
Как в песню – вдохновенье,
И золотых песков мираж
Морочил вражье зренья!

...Эх, мое Белое Копье!
Ты где, сокровище мое!
Как мне теперь на свете жить без этой пики белой?
Кому защитником служить без силы в длани смелой?
Верните мне копье, прошу, и я на поле брани
Кровью неверных орошу его резные грани!
Его я остро заточил во времена кочевья,
Его я бархатом покрыл в метельные ночевья.
Обрек меня коварный враг на вечное скитание,
Лишь насмерть раненый сайгак поймет мои страдания:

Разязвлено его нутро,
Червь разъедает тело...
Утеряно мое добро,
Врага пронзившее остро,
Насквозь, справа – налево!
Когда скачу, когда стою –
Задумчивую песнь пою.
Когда врагами окружен, готов погибнуть даже –
Я удручен и поражен отсутствием пропажи.
И пусть я сотню жизней спас – душа опять не рада –
Копья, прекраснее в сто раз, мне всё равно не надо.
...Разбит мой шлем, порушен щит,
Повреждена кольчуга,
Она на мне по швам трещит,
Когда в сражение туго.
Дела благие терпят крах.
О, что за жизнь настала,
Когда в степях, когда в горах смирения не стало!
Косички напрочь обкорнав и волос на висках убрав,
Адаты жизни извратив, волчата сбились в стаи
Безродные
И супротив всего святого встали.
В людей вселилась вера заразной, чем холера.
Ответь нам, Синий Тенгри,
Любовь важней иль деньги?
Жан Алла! Адам Софи! Нух-Наби! –
В бой зови!

Я перестал и есть, и петь,
Утратил, растеряха,
Копье и латы, лук и плеть, и саблю – меч казаха,
Всю жизнь покоя я не знал, считал к успеху вехи...
Где он теперь, мой арсенал, вчерашние доспехи?
Безрезультатно я искал оружие батыра
В песках, в ущельях, среди скал – из яшмы и порфира.
И потому сегодня я сражен, обезоружен,
И стала жалкой жизнь моя – я никому не нужен.
И потому мои враги, свирепые, как звери,
Не прочь одним пинком ноги открыть любые двери.
Они на кладбищах святых могилы разрывают,
Они, глумясь, мой каждый стих на ключья разрывают:
Я безоружен. Я, увы, перемещен куда-то,
Где барсы горные и львы сегодня лишь котят.
Мой черный лебедь не поет, окрасив крылья кровью,
А чайка белая в полет уносит мясо с кровью.
Осёл и аргамак теперь в одном ярме – два брата,
Умножен счет моих потерь на пять – и нет возврата!

Джин Шимуры, джин Шорали² – предвестники печали –
 Сегодня, как из-под земли, на свет повылезали.
 Мы знаем также вожаков в лицо и поименно,
 Что призывают дураков под черные знамена.
 И не спасут нас от утрат за несколько мгновений
 Ни одряхлевший старший брат, ни полоумный гений.
 Богатство наших кладовых в руках у пришлых джинов,
 И у способных видеть их кровь закипает в жилах.
 И лишь Мать-Родина сама спасти отчизну сможет,
 Пред теми, кто сошел с ума, оружия не сложит.
 Чтоб от соблазна убережь, от грезы о богатстве,
 Она из ножен вынет меч,
 Она народу скажет речь
 О равенстве и братстве.
 Чтобы мы были, как семья, чтобы рождались сыновья,
 Чей чуб обласкан солнцем, вихор луной расчесан.
 Чтоб вызревал в них острый ум, чтоб родину любили,
 Чтоб под косичками-тулум невидимыми были.
 Чтобы из рода праотца, похожий ликом на Творца,
 Явился из потемок наш солнечный потомок.

А ныне что в конце концов
 Мы знаем и имеем,
 Но выразить не смеем:
 Воскрешены семь мертвецов,
 Возвышены семь мудрецов,
 Да прощены семь подлецов
 Семи частей вселенной
 По логике нетленной.

...Я не нашел свой арсенал
 На пепелище предков.
 Я ветер на подмогу звал,
 Под шлемами холмов бывал,
 Об арсенале толковал
 С синицами на ветках.
 Но всё напрасно! Зря искал,
 Зря я бродил по свету,
 Зря громогласно призывал
 Виновников к ответу.
 Среди степи родной стою
 И сам себе не верю:
 Неужто я о том пою,
 Что не нашел потерю?
 Лишь эхо мне отозвалось:

² Джин Шорали – обитатель лесов, Шимурын – степей и гор.

«Эх, не случилось, не нашлось,
Не получилось, не сбылось...»
И колос тронул колос,
И был мне вещий голос,
Который подает домбра
Из горловины, из нутра,
Кобыз ей подпевает..
И пусть народ узнает:
*Как мне не плакать, как не петь,
Когда тревожно мне и худо? –
Я потерял тугую плоть
Из шеи крупного верблюда,
Могучего и гордого
Верблюда одногорбого.*

Перевод Глана Онаняна

под редакцией Владимира Бояринова.

БИРЮЗОВЫЙ КРАЙ

Бирюзовый мой край!..
Свет тоски моей по Канжайлау³,
Вожделье мое – пробежаться по ранней росе!..
Но зима заедала, вздымала буранов ораву,
Источалось терпенье с мечтами о вещи красе.
Мне казалось: вот-вот Синий Луч бирюзой восплает,
Степь очнется, встряхнется, а с нею проснемся и мы,
И увидим, как солнце подол у зимы подбирает,
И поверим концу нескончаемо долгой зимы!
Приведа за собой табуны первозданных тюльпанов,
В райский край Канжайлау вот-вот возвратится весна,
Во всю ширь установит свои кереге⁴ на полянах,
Кликнет горлицу, чтоб величальную спела она.
Багровея румянцем – учтивая и белолицая пава, –
Переступит заря через горный высокий порог.
Жеребята взбрыкнут и примнут восходящие травы,
И донены⁵ проскачут и пересекут Канжайлау,
И душа, и стихи на Пегасе промчат без дорог.
Распустившись в лучах, осыпаются сонмы видений,
Захлебнулся восторгом счастливый ручей-хохотун,
И пустынный мираж
Из глухих ухмыльнулся владений,
И дневной перевал, растянувшись, под солнцем уснул.

³ Канжайлау – название местности.

⁴ Кереге – решетчатые стены юрты.

⁵ Донен – четырехгодовалый жеребец.

Утром почки деревьев
 Глаза свои пооткрывали
 И увидели: воском белесым облита Луна,
 И девица отару пасет на сыром перевале
 День и ночь напролет,
 И как перст – всё одна и одна...
 И выходит она поутру на припеке погреться.
 Я скачу на коне, понуканьем округу бужу.
 Слышу тихий напев, с причитаньем идущий от сердца,
 И девицу-певицу я взглядом своим нахожу.
 Горизонт утопает в кровавом восходе по горло.
 Я наполнюсь дыханьем любви на безгрешных ветрах,
 Я стреножу коня, я взойду на высокую гору,
 В мотылька превращусь, затеряюсь в весенних цветах.
 И гора, словно грудь молодницы моей и певицы,
 Разопрет голубую и теплую блузу небес.
 Я в траву упаду, приминяя зеленые ситцы,
 Загляжусь в Зодиак, где кружат перелетные птицы,
 И где Дева тотчас нагадает букеты чудес.
 ...Но пока что Зима не смогла отрешиться от гнева,
 И мечты закрывает завесою белой она,
 И виденья мои вместе с вьюгой уносит на небо...
 Но грядет и курлычет гортанно и сладко весна!
 Со стихами моими, с теплом задушевного рая
 Караваны тюльпанов кочуют по древним холмам.
 Ночью тронулись льды, захрустели от края до края –
 Знать, прислушалось небо
 К моим сокровенным мольбам.
 Бирюзовый мой край,
 Ты с рожденья мне близок и дорог,
 Ты природу зовешь на вселенский мифический пир,
 Ты из радуг возводишь небесный божественный полог,
 Бирюзовый мой край!
 Мой весенний лазоревый мир!

ПЕСНЬ ВЕСНЫ

Весенний дух растекся по долине,
 Свободный дух растекся без границ.
 И, в грудь вобрав всё, что скопилось ныне,
 В блаженстве степь внимает пенью птиц.

В блаженстве пенью родника внимает,
 Как будто чутко слушает стихи.
 По берегам тюльпаны расцветают,
 И маки распускаются в степи.

Они мне тихо шепчут: «Пой от сердца!» –
Когда цветочным полем я иду.
Земля и небо, как единове́рца,
Меня понять готовы на ходу.

Душа возликовала днем весенним,
И закурлыкал журавлиный клин,
И справил клин под клики и веселье
На бирюзовой речке новоселье...
Я присоединяю голос к ним.

Развязывая узел вдохновения,
Я жду, оторопевший от красы:
Почувствует ли кто мое волнение,
Дойдет ли до кого предошущение
Рождающейся в синеве грозы?!

БУРАН

Буран в лицо охапки снега мечет
И по спирали поднимает ввысь;
Лютует, смыслу здравому перечит
И кубарем летит, свергаясь вниз!
Подобно заигравшемуся волку,
Выматывает жилы из земли.
Морские волны тоже сбились с толку,
И крутояр сугробы замели.
И вдруг!.. Как будто тысячи шаманов
Взыграли на кобызах под буран,
И звуки из завьюженных туманов
Сплелись в один волосяной аркан.
Как будто необъезженные кони
Встают во время скачки на дыбы,
Арканом заметая след погони
И сумасшедшей собственной судьбы.
Как будто кто-то нынче выбивает
Верблюжью шкуру в небе высоко.
Половником как будто разливает
Чуть взбитое верблюжье молоко.
Буранную симфонию не даром
Переложил я ночью на стихи,
Где семь волков боролись с волкодавом,
Катаясь по заснеженной степи.
Буран застиг меня, когда дорогу
Сугробами до неба занесло...
Но белый ангел вышел на дорогу
И взял меня под правое крыло.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ДУШИ

Твоя лучезарность – мой саван,
В который меня облачили.
О, Белая Ханша, прочти надо мною молитву
И вымолви: «Ты – колыбельная песня души».
Эх, резко бы мир в этот миг изменился,
А я рассмеялся бы грешным раскатистым смехом!
А я, уже вечный, читал бы тебе посвященную Песнь.
Так вымолви: «Ты – колыбельная песня души».
Цветок приколи на груди. И ресницы
Откроются, словно весенние почки,
И заупокойная над головою молитва,
И Песнь, что тебе посвятил,
Сочетаются браком при встрече,
И ангелы, плача, как новорождённые дети,
Закатят торжественный пир.
Я землю хочу одарить красотою
И Радостью Неба хочу одарить.
Когда плачут ангелы, словно младенцы,
Тогда и Терпение жалость имеет,
И Песнь и Молитва находят друг друга,
Лишь вымолви: «Ты – колыбельная песня души».

ОСЕНЬ

Ковыль иссох, явилась осень властно,
На юг уходят птичьи косяки,
Сердечки-листья шепчутся согласно:
«Мы пожелтели с горя и тоски».

И глядя вслед отчалившему клину,
Ржет рыжий конь со звездочкой на лбу:
«Да разве я родную степь покину,
Другую разве выберу судьбу?»

На шкуры сыромятные похожи
Издалека пригорки и хребты –
Они готовы вылезти из кожи,
Вслед журавлям в зенит подняться тоже
В неистребимой жажде высоты.

И перекати-поле рвется в просинь,
Желая превратиться в облака.
Я, неприкаянный, не верю в осень –
В ней скрыта безнадежная тоска.

В отчаянье заламываю руки:
Кто нам споет, когда не будет птиц?
И ветер плачет у речной излуки
И падает перед холмами ниц!

Всё, что происходило здесь веками
С ушедшими на небо земляками, –
Я пережил сейчас в единый миг,
Но подноготной правды не достиг:
Неужто мы всю жизнь, как птицы, свищем,
Догнав весну, уже другую ищем?!

ПОСЛЕДНЕЕ ДЫХАНИЕ

«Земля людей пытается завлечь
В свое нутро. И ты ей не перечь!» –
Цель этого увещевания –
Чтоб ты в могилу согласился лечь.

Ты глубже с каждым днем в нее вращаешь,
Всё бремя мира в горб свой собираешь.
Тебе бы ношу, что полегче, дать,
Но ты не сам свой жребий выбираешь.

Не думай, что ты жертвенный телец –
В той мысли прока не нашел мудрец –
В начале всех начал тебе достался
Тот груз, что погубил тебя вконец.

Когда помрешь – пир по тебе закатят,
Оденут в саван и за всё заплатят,
Запричитает поминальный хор,
И слезных слов для скорбных слов не хватит.

И люди без притворства и с притворством
Проявят небывалое проворство
И поспешат на кладбище толпой,
Туда, где пасть могильная разверста.

Дракон тебя проглотит на ходу.
Приют найдешь в раю или в аду –
Неведомо. Нет весточки оттуда,
И очевидцев нет, как на беду.

И черви прекратят в земле поститься,
И встрепенется Песнь твоя, как птица,
И дух твой, белым облачком взлетев,
В рыдающую тучу превратится...

ПРИТЧА О ЧЕСТОЛЮБИИ

– Это, мол, ангел! – мне говорят.
А что вытворяют – знать не хотят.
А поскачу-ка к тебе
Чертом на кочерге,
Честолюбие бесталанное, Тщеславие окаянное!
Глаза его не бывают без
Блеска, где пляшет юродивый Бес.
А если тыловишь бесовский взгляд –
Жизнь превращается в ад.
Он в душу проскальзывает ужом,
тайны чужие вскрывает ножом,
Чистые намерения марает в одно мгновение.
Коловращением вкривь и вкось, обращением на авось,
Прощупывает, обыскивает, попискивает, заискивает.
И ты отступаешь – ты поступаешь, как не положено, –
И уничтожено
Неподкупное твое Грядущее, тебя терпеливо ждущее.
Крупно не повезло! –
Ты, брат, подпал под Вселенское Зло.
Наверняка бы ты не подпал, на удочку не попал,
Но колдовская Печаль Почета, заверенная Печатью Чёрта,
Подписанная справа налево,
Не вместилаь ни в мозг, ни в чрево.
Взбунтуется кровь от вселенского страха,
Засвербит в сердцевине совести Птаха –
Птаха с Лампадку величиной – порою ночной
Расклетывает свиристением в кровь твои уши и лживые души.
Подлый рык скотский, доподлинно плотский
Будет просить подмогу помалу-помногу
У дьяволов всех кровей и мастей.
Зима проморозит тебя до костей,
Зима с тебя одним плевком снимет шкуру, как наждаком!
Мороз, пронизавший хребет, заточённый в кость, вопиет
Во всю пасть: «Честолюбие – страсть,
От которой душа чернеет и коченеет!»
Виною Вселенской Измены станут не огненные геенны,
А Честолюбие в чистом виде, без
Примесей, воющих в синеве небес.
Как бы Тщеславие ни голосило, как бы прощения ни просило,
Как бы ему ни сжимали горло, как бы дыханье ни сперло,
Но визг тщеславного вожделения отвергает преодоление.
И Честолюбивый Породистый Пес
Так высоко свою лапу вознес,
Так подзагнул свою величину!..
Гляньте! – стоит и струит на Луну.

РАЗОЧАРОВАНИЕ

Мукагали Макатаеву

1

Стих покинул меня, и блокноты чисты,
 Мне и душно, и тесно в тисках Алматы.
 Как в бреду причитаю: мне душно и тесно! –
 Но куда канул голос былой – неизвестно.
 Сам не свой... Как бы мне не упасть с высоты,
 Как бы мне не спалить за собою мосты.
 В мрачном городе я, словно в каменной бане,
 Всё грязней становлюсь в суете и в обмане.
 Побыстрей бы сорваться с постылой цепи
 И добраться бы снова до вольной степи.
 Грудь овеет прохлада и душу излечит,
 Но неволя меня и гнетет, и калечит –
 Нет дороги туда, я в плену постоянном,
 И тропа в край родной зарастает бурьяном.
 Я в плену, я в плену, вдалеке от степи;
 Я один, и ко мне не приходят стихи.
 Город отдан на откуп купцам и служивым,
 Кровь свернулась в его твердокаменных жилах.
 И прозрел я, и понял в конце-то концов:
 Я живу на базаре живых мертвецов!

2

Пойду я на кладбище к Мукагали,
 Цветы положу, поклонюсь до земли.
 Быть может, на это услышу в ответ:
 «Я рад, что пришел повидаться, поэт!»
 Поднимется он, заколышутся тени,
 И разговоримся мы о Толегене⁶,
 Потом о Касыме⁷, о творчестве их,
 О неповторимых стихах грозových,
 Где молнии в строчках блестящих таятся
 И горькую правду сказать не боятся.
 Я про Абубакира Кайрана скажу
 И про успех Байботы⁸ доложу.
 А Мукагали в свою бытность и сам
 Орлов молодых запускал в небеса.
 «Судьба для полета была тесновата,
 Однако поэзия не виновата», –
 Мне скажет задумчиво Мукагали
 Строкою, что создал в небесной дали.

⁶ Толеген Айбергенов (1937–1967) – известный казахский поэт.

⁷ Касым Аманжолов (1911–1955) – казахский поэт.

⁸ Абубакир Кайран, Байбота Серкибаев – современные казахские поэты.

Услышу я полночью: «Душу спасай!» –
 И утром взойду на вершину Кенсай⁹.
 Всем торжищам мира скажу с высоты:
 «Плывать я хотел на адат суеты!»
 И людям отвешу поклон до земли...
 – Куда Вы отправились?
 – К Мукагали!

СТЕПЬ. НОЧЬ. ТАИНСТВО

Окрашивая густо каждый возглас,
 Слились в объятьях Ночь, и Таинство, и Степь.
 Небесный Кот прошелся по округе
 И новолунным языком слизал
 С молочной глади сливки облаков.

Тон лопнувшей струны иль стон звезды падучей?
 Иль это посыпают солью печень?
 Дух ночи голубиной вострепнулся,
 И всполох крыл овеял мне лицо.

Когда вокруг запричитала нежить
 И сиротливо заскулили бесы –
 Я, как молитву, стал читать Абая:
 Стемнело, распростертая долина
 Упокоённо спит. И только я
 Не в силах ночью обрести покоя.

Подмигивая, бес меня зовет
 И манит на задворки. Я твержу:
 «Зачем позволил я украсть свой век златой
 В час сбора звезд – плодов ночного сада?»

И взвился я в бездонные пределы,
 За ветви поднебесные цепляясь,
 Вгрызаясь с хрустом в райские плоды
 И удивляясь собственному взлету.

«Семь звезд» – немеркнувший прообраз чаши –
 Он чаще мне кобыз напоминает.
 Стезю в неведомое указуя,
 Туманно бахромится Млечный путь.
 Но если ты коснешься струн кобыза –
 Воспрянет скорбь кипчаков и огузов.

⁹ Кенсай – мемориальное кладбище на вершине горы близ Алматы.

Под тягу духа колдовских мелодий,
Глумясь над сирым горемычным бесом,
В пляс пустится задорный справный бес.

Когда покроет полночь всю округу,
Степь станет безмятежна и тиха,
В дремоту погрузятся лес и горы,
Почиет месяц, свой струивший свет
С рогов остроконечных на отроги –
Иссякнет воск начала всех начал.

Но я, пойдя на поводу у грезы,
Вознесся в небо слишком высоко.
Пора бы и на землю возвращаться.

Придя в себя, я воздеваю руки:
«Голубка-ночь, не исчезай бесследно!
Не улетай, побудь у изголовья! –
Мне суждено грядущее узреть,
Где мою душу страсти распинают,
Где плоть мою отдали на кокпар¹⁰,
И – дрожь по коже! – ржут и скачут кони,
Наездники рвут мясо на куски!..

И оробели все мои печали,
И спрятались, и глубоко зарылись.
Исчезли бесы с веток поднебесных...

И голуби предутренней зари
По Божьему благословению
Спорхнули наземь...

Перевод Владимира Бояринова.

ТАЙНЫЙ ЗНАК

В небе проплывают облака,
Грудь моя свободно дышит снова,
Грудь мою покинула тоска –
Тайный Свет перетекает в Слово.

Звездный свет туманами клубим,
Ветром без телесной оболочки,
Ночь – как Дерево из степных глубин,
Звезды – как раскрывшиеся почки!

¹⁰ Кокпар – конное состязание, в котором используется туша барана (козлодрание).

Тайна не случайно и не вдруг
 Манит, увлекая, умилая, –
 Что стоишь под Древом, верный друг,
 Об удаче в жизни умоляя?

Не тоскуй и злобу не таи,
 Совершая грешные поступки:
 Древо-Ночь. В ней подвиги твои,
 В ней загадок мир, тревожно хрупкий.

Тайный Свет сияет над тобой,
 Тайным Знаком ты отмечен, воин,
 За него иди на смертный бой –
 Ты победы доблестной достоин!

Древо Ночи ветерок степной
 Чуть колышет струнным перебором,
 И сияет целый мир ночной,
 Как невеста головным убором.

Словно Тайный Знак – саукеле¹¹,
 Как цветок зари в степном просторе.
 К нам спешит – да будет так! – рассвет,
 Крылья Солнца затрепещут вскоре!

Перевод Глана Онаняна.

Светкали Нуржан родился в 1962 году. Окончил филологический факультет КазГУ. Первые стихотворения были опубликованы в 1985 году в коллективном сборнике молодых поэтов «Аудитория». Но первый собственный сборник его стихов «Аруана» («Верблюдица») увидел свет только в 1993 году. Спустя десять лет он выпустил трехтомник своих стихотворений и поэм «Таң қауызын жарганда» («На рассвете»), а затем такие книги, как «Ай таранган түн» («В лунную ночь»), «Таңның лағыл жұлдызы» («Утренний звездопад», 2015). Известен как переводчик западной и восточной поэзии, произведений религиозной тематики, вошедших в книги «Әулие әуезі» («Книга мудрецов»), «Еуропа поэзиясы» («Европейская поэзия»), «Еуропа классикалық поэзиясы» («Европейская классическая поэзия»), «Қырық хикмет» («Сорок мудрых рассказов»), «Дәрменсіздер дәлелі» («Сила слабых»). Лауреат премии журнала «Жалын» им. Т. Айбергенова государственной молодежной премии «Дарын».

¹¹ Саукеле (каз.) – головной убор невесты, украшенный драгоценными камнями.

